

Гэлбрейт пишет с необычными для детективного жанра юмором и теплотой; он столь умело проводит нас через все хитросплетения сюжета, что мы теряем счет времени.

The Seattle Times

Корморан Страйк одним своим появлением полностью захватывает воображение читателей... Талант Гэлбрейта проявляется в том, как он описывает жизнь Лондона и как создает нового героя.

Daily Mail

За спиной у Страйка — героическое прошлое. Он и сейчас то и дело проявляет героизм, хотя абсолютно к этому не стремится. Внебрачный сын стареющего рок-идола, он никогда не пользовался теми благами, какие достаются его единокровным братьям и сестрам... Он много размышляет, но это получается у него совершенно органично. У Страйка огромный потенциал. Было бы преступлением не обратить на него внимания.

Daily News

Страйк и его помощница Робин (играющая ту же роль, которую Саландер играла для Блумквиста в книгах Стига Ларссона) становятся настоящей командой, чьих дальнейших приключений читатель будет каждый раз ждать с нетерпением.

New York Times

Невероятно увлекательный сюжет, основанный на трогательных взаимоотношениях. Книга проглатывается залпом.

The Telegraph

Чрезвычайно сильная история... «Зов Кукушки» оказался визитной карточкой для целой серии романов и напомнил мне, почему я в свое время без памяти влюбилась в детективный жанр.

Вэл Макдермид (Guardian)

Откладывать эту книгу было сущей мукой — так мне хотелось знать, что будет дальше. Гэлбрейт — мастер психологического портрета, герои романа вставали передо мной как живые. «Зов Кукушки» — моя новая любовь, а Гэлбрейт — выдающийся новый талант.

Питер Джеймс (Sunday Express)

Детектив, от которого невозможно оторваться.

Financial Times

А вот и лучший переводной детектив сезона, и не только из-за сногшибательной интриги — уровень рассказчицкой культуры очень высок: трехмерные, врезающиеся в память персонажи, отличные диалоги, остроумные авторские комментарии.

Aquino Daily

Если вам нравятся атмосферно-психологические романы-загадки Кейт Аткинсон и Таны Френч, тогда Роберт Гэлбрейт — ваш выбор.

Dallas Morning News

Роберт Гэлбрейт заявил о себе как новый, свежий голос в жанре детектива: жесткая, сатирическая, пронзительная и в то же время романтическая проза.

Wall Street Journal

Сюжет покоряет читателя не только прихотливыми зигзагами, но и захватывающим описанием сотрудничества пары детективов... С этими персонажами захочется встречаться вновь и вновь.

Time

Корморан Страйк и Робин Эллакотт — пожалуй, лучший дуэт сыщика и его помощника в современной детективной литературе.

The Seattle Times

Рассчитываешь в первую очередь на лихую детективную интригу — и ты ее, конечно, получаешь, но постепенно осознаешь, что динамика отношений между Кормораном и Робин занимает тебя едва ли не больше.

Independent

Замысловато и увлекательно.

Sunday Mirror

Великолепное дополнение к Страйкову канону.

Sunday Times

Сюжет закладывает лихие виражи, а читатель следит раскрыв рот. Корморан и Робин остаются самым удивительным дуэтом среди наших детективов.

Guardian

Настоящий подарок для запойных читателей. Идеальная книга, чтобы нырнуть в нее с головой.

The Scotsman

Смело, стильно, изощренно.

Times

*Посвящается Барбаре Мюррей,
социальному работнику,
сотруднице Просветительской ассоциации рабочих,
педагогу, жене, матери, бабушке,
азартной поклоннице игры в бридж
и лучшей свекрови на свете*

Где только не вели они расспросы,
Чтоб услыхать о ней любую весть,
Поместий обошли — не перечеть.
Все втуне. А какая злая сила —
Несчастье, оговоры или месть —
Ее от друга в дали уносила,
То долгий сказ...

Эдмунд Спенсер. Королева фей

Будь это не так, нечто постоянно исчезало бы
в ничто, а это абсурдно с математической точки
зрения.

Алистер Кроули. Книга Тота
Перевод А. Блейз

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пришло раздолье Лета...

Эдмунд Спенсер. Королева фей

1

Поборник правды, тверд в бою как сталь
Сей рыцарь по прозванию Артегаль...

Эдмунд Спенсер. Королева фей

— Да ты по всем статьям наш, корнуольский парень, — распинался Дейв Полворт. — Только фамилия какая-то левая: Страйк. А по факту ты — Нанкарроу. Или будешь и дальше мне втирать, что, дескать, привык считать себя англичанином?

Этим теплым августовским вечером в пабе «Виктори-Инн» было такое столпотворение, что посетители, не сумевшие найти места в зале, выплескивались наружу и устраивались на широкой каменной лестнице, спускавшейся к бухте. Полворт и Страйк заняли угловой столик, и каждый уже влил в себя не одну пинту по случаю дня рождения Полворта, которому исполнялось тридцать девять. Полворт отстаивал корнуольский патриотизм уже минут двадцать, которые для Страйка растянулись на целую вечность.

— Считаю ли я себя англичанином? — задумался он вслух. — Нет, я бы, пожалуй, назвался британцем.

— Ладно врать-то. — Полворт мало-помалу закипал. — У тебя бы язык не повернулся. Ты меня спецом выбешиваешь.

На вид в них не было ничего общего. У Полворта, невысокого и щуплого, как жокей, с обветренной, не по возрасту морщинистой физиономией, редеющие волосы едва прикрывали загорелую лысину. На эту встречу он явился в рваных джинсах и мятой футболке, которая, наверное, валялась на полу или в корзине с грязным бельем. На левом предплечье красовалась накладка — черно-белый крест святого Пирана Корнуольского; правую руку прорезал глубокий шрам — память о близком контакте с акулой. Старые друзья называли его Аборигеном или Живцом.

Его друг Страйк напоминал вышедшего в тираж боксера, что, впрочем, соответствовало истине: крупный, почти двухметрового роста, со слегка свернутым набок носом и темной курчавой шевелюрой. Наколок он не признавал и, невзирая на всегдашнюю легкую небритость, выходил из дому наглаженным и свежим, что выдавало в нем бывшего полицейского или военного.

— Ты же отсюда родом, — гнул свое Полворт, — а стало быть, корнуоллец.

— Ну, знаешь, если так рассуждать, тогда ты — брамми.

— Что ты гонишь?! — Полворт, глубоко уязвленный, вновь сорвался на крик. — Меня из Бирмингема привезли сюда двухмесячным, у моей матери девичья фамилия Тревельян. Только на этой земле и слышен зов крови. — Полворт уже бил себя кулаком в грудь. — Мои предки по материнской линии веками жили в Корнуолле...

— Ты пойми: для меня кровь и почва никогда не были...

— А тебе известны результаты последнего опроса? — перебил Полворт. — В графе «национальная принадлежность» половина, то бишь *пятьдесят процентов*, участников отметили клеточку «корнуоллец», а не «англичанин». Колоссальный рост самознания.

— Потрясающе, — сказал Страйк. — И дальше что? Добавим еще клеточки для думнониев и римлян?

— Давай-давай, залупайся, — фыркнул Полворт, — поглядим, далеко ли уедешь. Лондон тебе не на пользу, братан... Когда человек гордится своим происхождением — это нормально. Когда местные сообщества требуют, чтобы Вестминстер передал им часть полномочий, — это нормально. На будущий год шотландцы всем прикурить дадут. Вот увидишь. Добьются для себя независимости — и остальные за ними потянутся. Кельтские народы один за другим начнут поднимать голову. Повторим? — без всякого перехода добавил он, указывая на опустевший пивной стакан Страйка.

Направляясь в паб, Страйк рассчитывал снять напряжение и тревогу, а не дискутировать о корнуолльской политике. Но с момента их последней встречи Полворт, очевидно, полностью сроднился с патриотической партией «Сыны Корнуолла», в которую вступил еще шестнадцатилетним подростком. Обычно Дейв

поднимал Страйку настроение, как никто другой, но не терпел шуточек по поводу независимости Корнуолла, тогда как у Страйка эта тема вызывала не больше эмоций, чем шторы в гостиной или наблюдение за поездами. Страйк уже подумал было сказать, что ему пора к тетушке, но от этой мысли ему сделалось едва ли не более тоскливо, чем от гневных обличений в адрес супермаркетов, не желающих пометать товары местного производства крестом святого Пирана.

— Ага, спасибо, — ответил он и протянул свой пустой стакан Дейву, который стал протискиваться к стойке, кивая направо и налево бесчисленным знакомым.

Оставшись в одиночестве, Страйк рассеянно обвел глазами паб, который он всегда считал для себя чуть ли не родным. С годами это заведение изменилось, но все еще напоминало то место, где он лет в восемнадцать-девятнадцать тусовался со своими корнуолльскими приятелями. На него нахлынуло двойственное, острое чувство родства и в то же время отчуждения: здесь он ощущал себя своим, но никогда своим не был.

Когда Страйк бесцельно скользил взглядом от деревянных половиц к офортам с морскими видами, он неожиданно для себя уставился прямо в большие настороженные глаза женщины, которая вместе с подругой задержалась у бара. Ее вытянутое, бледное лицо обрамляли черные с проседью волосы, спадавшие на плечи. Он ее не узнавал, но в последние полчаса непрерывно ловил на себе взгляды кое-кого из местных, вертевших головами, чтобы получше его рассмотреть. Страйк отвел глаза, достал мобильный и сделал вид, будто набирает сообщение.

Улови эта публика хоть малейший знак, от желающих пообщаться не было бы отбоя: в городке Сент-Моз каждая собака, похоже, знала, что десять дней назад у тетушки Джоан диагностировали запущенный рак яичников, после чего Страйк с единоутробной сестрой Люси и тремя ее сыновьями поспешили сюда, к Джоан и Теду, чтобы оказать им любую необходимую поддержку. Вот уже неделю Страйк, выходя за порог, отвечал на расспросы, благодарил за сочувствие и терпеливо отклонял предложения помощи. У него сводило скулы от необходимости подбирать вежливые слова и объяснять: «Да, видимо, в последней стадии; да, всем нам сейчас паршиво».

С двумя очередными пинтами Полворт протиснулся к столу.

— Продолжим, Диди, — сказал он, залезая на высокий барный табурет.

Это давнишнее прозвище Страйк получил в местной начальной школе: то ли из-за высокого роста, по созвучию с «дылдой», то ли по созвучию с корнуольским «дидикой» — «цыган», «бродяга». Заслышав такое словечко, Страйк оттаял и вспомнил, почему дружба с Полвортом оказалась самой прочной в его жизни.

Тридцать пять лет назад Страйк поступил в начальную школу Сент-Моза, причем в середине учебного года: необычно крупный для своего возраста, он вдобавок принес с собой какой-то говорок, который резал слух местным жителям. Он действительно появился на свет в Корнуолле, но молодая мать, едва оправившись от родов, сбежала с младенцем под покровом ночи, чтобы вернуться к полюбившейся ей лондонской жизни, где она кочевала с одной гулянки на другую, из квартиры в квартиру, от сквота к сквоту. Четыре года спустя она вернулась с ним и с новорожденной дочкой в Сент-Моз, но долго там не выдержала и как-то на рассвете опять пропала, бросив сына и его единоутробную сестру Люси. Что именно говорилось в записке, оставленной на кухонном столе, он так и не узнал. Не иначе как Леда повздорила с квартирным хозяином или с очередным сожителем, а может, не смогла отказать себе в поездке на музыкальный фестиваль; так или иначе, вести привычный для нее образ жизни с двумя малыши детьми на руках оказалось ей не под силу. По каким-то причинам ее отсутствие затянулось, и невестка Леды, Джоан, которая была добропорядочна и ответственна, не в пример своей легкомысленной и сумасбродной золовке, купила Страйку школьную форму и вместе с мужем повела его в подготовительный класс.

Ровесники-приготовишки вытаращились на него во все глаза. Когда учительница объявила, что новенького зовут Корморан, по классу прокатились смешки. В школе ему не понравилось: он твердо помнил, что мама упоминала «домашнее обучение». Но при попытке втолковать дяде Теду, с которым Страйк всегда находил общий язык, что мама заругается, он услышал суровое «так надо» и «придется», хотя даже странный говорок этих чужих ребят разбирал с трудом. Страйк никогда не был плаксой, но, сев за

старую, обшарпанную парту, еле сумел проглотить застрявший в горле ком, твердый, как яблоко.

По какой причине коротышка Дейв Полворт, староста класса, потянулся к новичку, осталось загадкой даже для Страйка. Вряд ли из страха перед физической силой, ведь двое лучших дружков Полворта были крепышами из рыбацких семей, да и сам Дейв, заядлый драчун, даром что не вышел ростом, всегда мог за себя постоять. Однако к концу первого дня Полворт стал новичку не только другом, но и заступником, внушив остальным, что со Страйком нужно считаться: по рождению тот корнуоллец, племянш местного спасателя Теда Нанкарроу, брошен беглянкой-матерью, а если говорит не по-здешнему, так это не его вина.

В тот вечер тетушка Страйка, совсем слабая и несказанно обрадованная приездом племянника, который сумел выкроить всего неделю и наутро собирался уезжать, буквально вытолкала его из дому «отметить рождение малютки Дейва». Она необычайно ценила старые знакомства и даже сейчас, по прошествии многих лет, поощряла дружбу Страйка с Дейвом Полвортом. Более того, Джоан считала эту дружбу доказательством своей правоты (не зря, как видно, она отдала мальчика в школу вопреки желаниям вертихвостки-матери) и подлинных корней Страйка, хотя судьба долго носила его по свету, а нынче забросила в Лондон.

Полворт сделал длинный глоток из своей четвертой пинты и сказал, бросив колючий взгляд через плечо в сторону темноволосой женщины и ее подруги-блондинки, которые до сих пор не сводили глаз со Страйка:

— Понаехали тут... черт-те откуда.

— Да где б ты был со своим парком, — заметил Страйк, — если бы не приезжие?

— Вот только не надо, — осадил его Полворт. — У нас местный туризм на подъеме, многие не по одному разу приезжают.

Полворт недавно ушел из инженерно-технической фирмы в Бристоле, где занимал кабинетную должность, и устроился старшим садовником в большой общественный парк на побережье. Классный дайвер, серфер от бога, многократный участник конкурса «Железный человек», Полворт с детства терпеть не мог сидеть без движения, и годы конторской работы его не переделали.

— Значит, не жалеешь? — спросил Страйк.

— Было бы о чем! — с жаром ответил Полворт. — Охота в земле покопаться. Свежим воздухом подышать. Мне через год сороковник стукнет. Либо сейчас, либо никогда.

Подав заявление о приеме на новую работу, Полворт ни словом не обмолвился жене. Когда его вопрос был решен положительно, он уволился из фирмы, а придя домой, поставил родных перед фактом.

— Как там Пенни, успокоилась? — поинтересовался Страйк.

— Каждую неделю разводом грозит, — равнодушно ответил Полворт. — Правильно я сделал, что не стал рассусоливать, иначе бы еще лет пять собачились. А так все срослось — лучше некуда. Ребятишкам в местной школе лафа. Пенни в другой филиал перевелась — в столицу. — Полворт имел в виду отнюдь не Лондон, а Труро. — Теперь сама довольнехонька. Только признаваться не хочет.

В глубине души Страйк усомнился в правдивости этих заявлений. Полворт с его страстью к приключениям и риску никогда не придавал значения комфортному существованию. Впрочем, Страйк не хотел вникать в эти дела, у него хватало своих проблем; он поднял стакан в надежде отвлечь Полворта от политики:

— За тебя, братан, и чтоб не последний раз.

— Будем здоровы, — откликнулся Полворт. — Как мыслишь, у «Арсенала» есть шансы? Хотя бы отборочные пройдет?

Страйк только пожал плечами: подтверди он, что его лондонский клуб имеет все шансы выйти в финал Лиги чемпионов, разговор непременно вернулся бы на рельсы корнуолльского патриотизма.

— У тебя-то как на личном фронте? — Полворт решил зайти с другого боку.

— Никак, — ответил Страйк.

Полворт ухмыльнулся:

— Джоани спит и видит, чтоб ты сошелся со своей напарницей. С этой... Робин.

— Ну-ну, — сказал Страйк.

— Сама мне доложила — я на прошлых выходных к ним заходил. «Скайбокс» им настраивал.

— Они мне не рассказывали, что это твоих рук дело, — отметил Страйк и снова поднял пивной стакан за Полворта. — Молодец, братан, давай за тебя.

Если он хотел уклониться от темы, ему это не удалось.

— В один голос твердили. И она, и Тед, — продолжил Полворт, — оба ставят на Робин.

Страйк промолчал, но Полворт решил его дожать:

— И никаких подвижек?

— Никаких, — сказал Страйк.

— Это почему же? — Полворт опять нахмурился; мало того что Страйк не поддерживал тему независимости Корнуолла, так он еще отказывался признать очевидное и желаемое. — Девушка видная. В газете фото ее было. Пусть не такая краля, как Миледи Змеюко. — Этим прозвищем он когда-то наградил бывшую невесту Страйка. — Но зато вменяемая, безо всяких там закидонов, правильно я говорю, Диди?

Страйк хохотнул.

— И Люси ее привлекает, — не унимался Полворт. — Говорит, из вас идеальная пара выйдет.

— Когда, интересно, вы с Люси успели обсудить мою личную жизнь? — Страйк немного напрягся.

— Да с месяц назад, — ответил Полворт. — Она мальцов своих на выходные привозила, и мы их всех на барбекю позвали.

Страйк молча тянул пиво.

— Все говорят: вы нормально контактите, — добавил Полворт, сверля глазами друга.

— Наверное.

Вопросительно вздернув брови, Полворт застыл в ожидании.

— Но я не допущу, чтобы бизнес пошел псу под хвост, — вывралось у Страйка. — Не могу ставить под удар агентство.

— И это правильно, — сказал Полворт. — Но помечтать-то не вредно, да?

Повисла короткая пауза. Страйк намеренно отводил взгляд от темноволосой женщины и ее подруги, которые определенно перемывали ему кости.

— Возможно, бывали моменты, — признал он, — когда мне и самому лезли в голову такие мысли. Но у нее затягивается до-

статочно холерный развод, а мы с ней и так половину жизни проводим вместе, и она меня вполне устраивает — как деловой партнер.

Если бы не их давняя дружба, не перепалка насчет политики и не день рождения Полворта, неужели он не высказался бы на чистоту по поводу этого спектакля с допросом? Каждый женатый мужик стремится заманить других в ту же ловушку, даже если сам являет собой полную антирекламу брака и семьи. Взять хотя бы супругов Полворт: вся их жизнь, насколько можно судить, протекала в состоянии вражды. Страйк своими ушами слышал, что Пенни, говоря о муже, чаще называет его не по имени, а «этот придурок», тогда как сам Полворт в кругу друзей охотно расписывал уловки, которые давали ему возможность потакать собственным интересам и прихотям в пику, а то и в ущерб супруге. Казалось, и мужу, и жене всегда неуютно в смешанной компании: в тех редких случаях, когда Страйк бывал у них в гостях, там происходила естественная сегрегация: женщины тусовались в одной части дома, мужчины — в другой.

— А если Робин захочет детей, что тогда? — спросил Полворт.

— Это вряд ли, — сказал Страйк. — Она слишком любит свою работу.

— Все они так говорят, — небрежно бросил Полворт. — Ей годовков сколько?

— На десять лет моложе нас с тобой.

— Скоро захочет родить, — с уверенностью заявил Полворт. — Все они одинаковы. Тем более что им торопиться надо. Часы-то тикают.

— Ну, со мной такой номер не пройдет. Я младенцев не люблю. И не хочу. А с возрастом все больше убеждаюсь, что жениться мне противопоказано.

— Дак да, братан, я тоже так думал, — сказал Полворт. — Но со временем допер, в чем суть. Я ведь тебе рассказывал, как это произошло? Как я в конце концов сделал предложение Пенни?

— Не припоминаю, — ответил Страйк.

— И эту байду про Толстого не рассказывал? — Полворту не верилось в такое упущение.

Страйк собрался хлебнуть еще пива, но от изумления даже опустил стакан. С раннего детства Полворт, наделенный цепким

умом, презирал любые виды знания, которые не приносили немедленной практической выгоды, и не держал в руках никаких печатных изданий, кроме технических инструкций. Ошибочно истолковав удивление друга, Полворт объяснил:

— Толстой. Писатель такой был.

— Ага, — сказал Страйк. — Вот спасибо. И каким боком Толстой?..

— Я ж тебе рассказываю, ты меня слушаешь или нет? Мы с Пенни тогда разбежались во второй раз. Она мне все кишки вывернула насчет помолвки, а я эту помолвку в гробу видал. Короче, сижу как-то в баре, рассказываю дружбану моему, Крису, что, мол, задолбала уже, кольцо требует... да ты его знаешь, Криса. Здоровенный такой, шепелявый. Ты его видал на крестинах Розвин. В общем, рядом за стойкой сидит мужик в возрасте, хлыщ такой, пиджак у него вельветовый, волосы уложены, и реально меня бесит, потому как в открытую подслушивает, ну я его и спрашиваю, чего, мол, тут вынюхиваешь, а он смотрит на меня в упор и говорит: «Да, как нести груз и делать что-нибудь руками можно только тогда, когда груз увязан на спину, — а это женитьба. И это я почувствовал, женившись. У меня вдруг опростались руки. Но без женитьбы тащить за собой этот груз — руки будут так полны, что ничего нельзя делать. Посмотри Мазанкова, Крупова. Они погубили свои карьеры из-за женщин». Ну, я и подумал, что Мазанков и Крупов — дружбаны его. И на кой черт, спрашиваю, мне про них знать? А он такой: да это я, дескать, писателя одного цитирую, Толстого. Слово за слово, разговорились, и вот что я тебе скажу, Диди: в моей жизни это был момент истины. Как будто лампочка вспыхнула. — Полворт ткнул пальцем в воздух над своей лысеющей головой. — Он мне многое тогда открыл. Мужскую судьбу. И вот он я: ищу, где бы перепихнуться в четверг вечером, потом в одиночку тащусь домой, поиздержался, на душе гадостно; прикидываю, сколько ушло на баб, на всю эту мороку, и захочется ли мне к сорока годам в одиночестве порнуху смотреть, а сам думаю: зри в корень. Ведь есть же причина жениться. А кого я найду лучше Пенни? Сколько можно с девками в барах трепаться про всякую фигню? Мы с Пенни друг к дружке притерпелись. Бывает ведь и хуже. Она и на личико миленькая. И все тридцать три удовольствия дома ждать будут, разве не так?

— Жаль, она сейчас этого не слышит, — заметил Страйк. — Влюбилась бы в тебя по новой.

— Пожал я руку тому хлыщу, — продолжал Полворт, не замечая сарказма. — Попросил его записать мне название книжки и прочее. Вышел из бара, схватил такси — и напрямик к Пенни домой, стал в дверь молотить, разбудил ее. Она страсть как обозлилась. Решила, что напился и за неимением лучшего к ней на ночь приехал. А я такой: ах ты, корова сонная, да я потому приехал, что жениться на тебе хочу. А книжка вот как называлась, — закончил Полворт, — «Анна Каренина». — Он залпом допил пиво. — Мутотень.

Страйк рассмеялся.

Полворт громко рыгнул и посмотрел на часы. Он знал толк в репликах под занавес и долгие прощания любил примерно так же, как русскую литературу.

— Я пошел, Диди, — сказал он, слезая с барного стула. — Если вернусь до полдвенадцатого, мне на день рожденья подарочек сделают, причем французский... вот, собственно, в чем суть. В этом, братан, вся суть.

Усмехаясь, Страйк пожал ему руку. Полворт передал привет Джоан, напомнил Страйку, чтобы тот позвонил, когда вновь окажется в родных краях, протиснулся к дверям и скрылся из виду.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	75
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	163
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	357
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	589
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	761
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	927